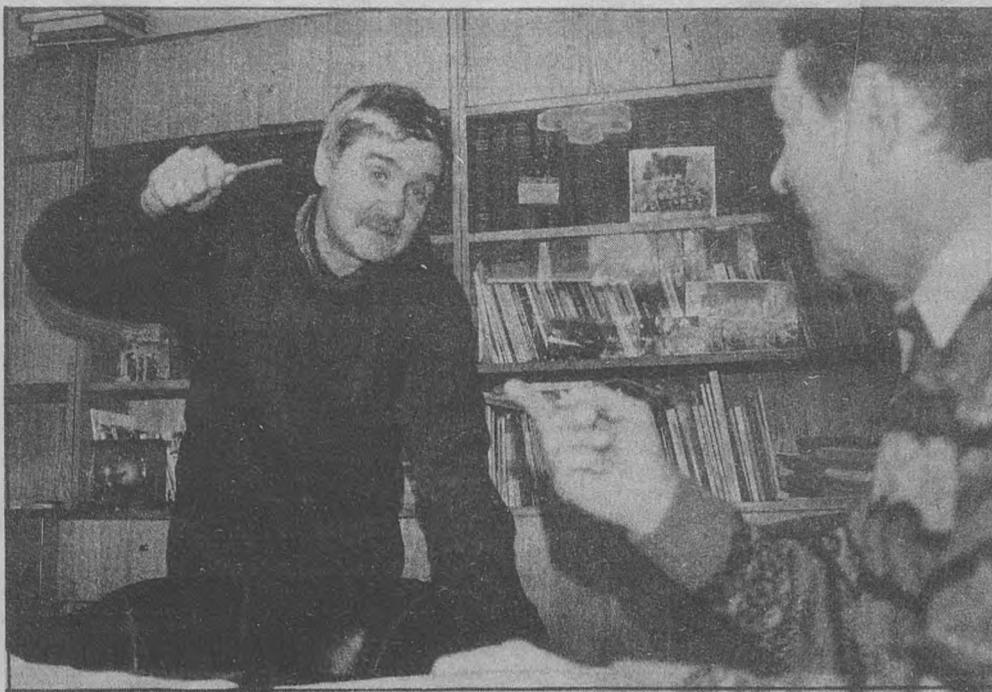

Перестройку, помнится, еще не объявили, но преодоление свобод витало в воздухе, когда вышли романы Сергея Есина "Имитатор" и "Гладиатор" (он же "Временитель"). Их прочли все, кто расположен к чтению. Свой тогдашний успех автор объясняет просто: "Я же бытовик. А быт был гнусен, и написать бытового роман, не встав в некоторую оппозицию к власти, было невозможно".

В литературном и журналистском мире хорошо знали Есина и раньше: он был среди тех, кто начинал журнал "Кругозор", потом — главным редактором литературных передач на радио. Сейчас, если кто-то не знает, он ректор Литинститута. И не жалует, и не ходит митинговать за сохранение высшей школы. Он ее сохраняет.

Чтобы ясность была: почему в этом интервью он мне "ты", почему называет учеником и все такое прочее, добавлю, что самый первый свой рассказ я показал ему. И мэтр не чванился.

Бечклуб. - 1996. - 14 нояб. - с. 4

Сергей ЕСИН:

Когда я уйду с работы, с собой унесу ржавую трубу

— Вот эта труба у вас лежит, насквозь ржавая. Как я догадываюсь, литинститутская?

— Да. Я, понимаешь, очень крупный хозяйственник. Литинститут в лучшем случае на тридцать процентов финансируется государством, остальное — мы сами. А трубы, можно сказать, — символ нашей жизни: все было спрятано под чистым полом. Но сочилась вода. А когда вскрыли... Их же можно проткнуть пальцем!.. Когда я уйду с работы, унесу эту трубу с собой. Много было до меня ректоров, и все это в плановом порядке надо было менять.

— Так вы поменяли трубы?

— И трубы, и крышу.

— Вообще-то начальники начинают с ремонта кабинета. А у вас он такой же, какой был при Сидорове.

— Это правильные начальники так начинают. А я начал с того, что перестроил туалет, чтобы не стыдно было зайти. А маленький туалет мы отдали под склад охранной фирме — теперь нам за это охраняют институт... Вот эта папочка — ее до меня не было: распоряжение о передаче нам здания, о праве собственности на землю... Лицензия на образовательную деятельность у меня за номером два. Номер один у МГУ.

— Зачем надо было регистрироваться?

— Так институт же был ведомственный, Союза писателей СССР. А когда он раскололся... Знаешь, чем это кончилось бы? Новые союзы поделили бы здания и сдавали бы в аренду. А института бы не было.

— Литинститут нигде в мире нет.

— Старик, спрямляем путь. У нас страна-то, где интеллигенции не так много — надо создавать. Астафьев закончил наш институт, Высшие литературные курсы; а еще Айтматов, Симонов, Мориц, Ахмадулина, Евтушенко, Бакланов...

— Не так давно присуждали премии мэрии Москвы в области литературы и искусства, и одним из лауреатов стал Юрий Козлов — за роман "Ночная охота". Пресса к этому отнеслась ревниво: кто такой Юрий Козлов, знать не знаем.

— Это факт биографии того, кто не знает.

— Давайте поподробнее. Вы же входили в комиссию по премиям мэрии.

— Председатель всей комиссии — Гончаров Андрей Андреевич, знаменитый главред "Маяковки". Комиссия разбита на секции. Наша секция единодушно присудила премию Борису Львову-Анохину, премию создателям фильма "Московские каникулы" во главе с Аллой Суриковой. По моей инициативе включили актрису, которая живет в Израиле, — Ирину Селезневу. Комитет по кинематографии не представлял к премии Ярмольника. Это не самый любимый мой актер, но в этом фильме Ярмольник был Ярмольником — и мы его выдвинули. Была у нас очень крупная промашка: забыли про Брагинского, автора сценария "Московских каникул". Кино — искусство, которое можно рассматривать в отрыве от сценариста. Есть фильмы Феллини, фильмы Висконти — кто знает их сценаристов? А что касается романа Козлова — это выбор не одного Есина. Сначала ведь готовится куча документов: представления журналов, писательских организаций. Мы порецензировали конкурсные работы силами профессуры Литинститута, которую нельзя назвать ни самой слабой, ни самой подбострастной.

— Вы как будто оправдываетесь. Давайте коротко: журнал "Москва"...

— Журнал "Москва" выдвинул Козлова. Роман прекрасный. Написанный, кстати, о Москве — о будущей тоталитарной Москве. Козлов — автор, который много и давно работает. Вообще пора прекратить это безобразие, когда дается все по совокупности давних заслуг.

— Теперь возьмем другой роман о Москве — "Затмение Марса", который вы посвятили "Серее, моему ученику, спасшему мне жизнь в ночь с 7 на 8 июля 1992 года". Это что, когда у вас пожар был и вы стояли голым на карнизе четвертого этажа?

— В трусах и пятого этажа. Это, кстати, не последний роман — у меня недавно вышел в "Юности" "Гувернер", роман о новых русских... Удивительная штука: когда я пишу роман, а прекращаю писать дневник. В роман затягивается все, что происходит... Не могу опомниться — ты меня действительно поставил в такое положение с Козловым, что я вынужден был оправдываться. А вещь бесспорная. Дай Бог, чтобы в Москве писались более достойные премии романы.

— Вы ушли в сторону. Вот вы с Сергеем стоите на карнизе, квартира горит... Сейчас-то можно рассказать, за что вас подожгли?

— А все и тогда было известно — наверное, просто мимо тебя прошло. Когда я вошел впервые в кабинет ректора, я понял, что Литинститут не проживет так, как он жил раньше. Было известно, что Союз писателей прекращает наше финансирование. Я прикинул, с чего можно кормиться. Сдавать часть помещений в аренду, принимать иностранных учащихся...

— А кому из иностранцев интересно учиться в русском Литинституте?

— Многим! Сейчас это одна из главных статей нашего бюджета. Мы учим иностранцев русскому языку для занятия бизнесом, другие кончают институт по полной программе, поступают в аспирантуру — все происходит на разных уровнях. А тогда возник вопрос, куда их поселить. Наша гостиница была обложена криминальными структурами... У меня сейчас по поводу арендной платы нет ни одной тайны. Могу в любой момент отчитаться за каждый метр, который институт сдает в аренду, потому что я знаю: ничего под этим не откроется. Если в центре существует норма — семьсот долларов за метр, то мы и сдаем по семьсот долларов. А когда я пришел, какая-то непонятная была аренда у гостиницы, у гаража... Но сроки договоров истекли, и я их не продлил. Тогда вот сюда, вот в этот кабинет, вошли два молодых человека с одной дамой. Как-то пристойно они представились, а на самом деле это были обычные рэкетеры. А потом эти же самые молодые люди пытались войти ко мне в квартиру. Чудом я сумел их не впустить. В половине четвертого ночи мне вылили под дверь канистру керосина... Нас по пожарной лестнице снимали с балкона. Ну а потом ты как верный ученик приходил ко мне отнимать от кофты книги и видел, что там получилось. Я не люблю рассказывать эти подробности. Такая получается двойственная ситуация: почему ко мне пришли рэкетеры? Ведь рэкетеры приходят туда, где нечисто...

— Тогда вопрос из другой сферы. У вас в "Затмении Марса" главный герой — журналист. Он и как бы демок-

рат, и в патристическую прессу пишет под псевдонимом, лишь бы платили. Таким вы и видите современно-го журналиста?

— Знаешь, из кого вербовала осведомителей царская охранка? На первых местах шли господа журналисты, господа писатели и господа актеры. Теперь что касается современной ситуации. Я тоже занимался журналистикой и относился к ней свято. Я знаю идеологию изнутри. И я помню, какое огромное количество людей, иступленно рвавших горло за советскую власть, немедленно с тем же иступлением повернулось на сто восемьдесят градусов и стало говорить совершенно противоположное... Может быть, я тоже перестраиваюсь. Но для того, чтобы перестроиться, мне надо не только забыть те слова, которые я говорил, — мне надо научиться и думать по-другому. Процесс говорения — это не слова. Это наше внутреннее устройство... Чем, на мой взгляд, отличается, скажем, католицизм от православия? Да очень просто: православие это в основном не слова, а поступки. Сергей Радонежский не был теоретиком. Он был человеком поступка... Я объяснил мое отношение к современной журналистике?

— Конечно, осведомителей во все времена будут вербовать не из смотрителей маяков, а из коммуникабельных людей... Ладно, оставим это дело. Бурную реакцию прессы вызвало то, что международную литературную премию итальянского города Пенне получил Валентин Распутин. Почему итальянцы дают нашим премии, и что это за премия?

— Насколько мне известно, инициатором был известнейший итальянский славист Витторио Страда. У него хорошие отношения с нашим министром культуры Евгением Сидоровым. Особенность этой премии, ноу-хау — это то, что претендентов отбирает профессиональное жюри, а лауреата из этих претендентов — простые читатели. А что касается бурной реакции — так ведь премия досталась непривычной тусовке, и это их задирает. А у Распутина это была первая в его жизни международная премия.

— Кстати, как вы относитесь к тому, что претендентами на пост министра культуры были люди уровня Аллы Пугачевой?

— Я тоже был в этом списке, но не воспринимаю это серьезно. Посидев на месте ректора Литинститута, я понимаю, что на месте Сидорова надо сидеть не пять и не десять лет, а значительно дольше. Я думаю, что первых пяти лет ему хватило только на то, чтобы врезаться в проблемы... Я за ним наблюдаю как за приятелем юности, и должен сказать, что в нем тоже происходит целый ряд внутренних изменений. Люди моей ориентации склонны думать, что очень многие поступки продиктованы чистой конъюнктурой. Так нет! Все не так просто! Не так просто ему воевать за культуру с правительством, сидя в этом правительстве. Особенно с нашим правительством, фантастически невежественным. Недавно в "Куклах" был сюжет — как наши правители читают литературу и меняются окружением с Пушкиным. Если бы наши правители читали! Если бы в свое время они прочли "Хаджи-Мурата", они бы никогда не влезли в Чечню. Обрати внимание, там обе стороны виноваты: и чеченцы, и русские, которые тоже хороши. Так что, если Евгению Юрьевичу удастся хотя бы чуть-чуть образовать наших правителей, это будет огромная заслуга.

— Сколько заявлений на творческий конкурс в Литинститут было раньше и сколько — теперь?

— Общие цифры снизились. Но раньше литература была прибыльна, как сейчас торговля юридическим мнением. В Литинститут основная масса поступала, как во всякий модный институт — не по способностям, а из-за престижности. Соответственно отбраковка шла на первом уровне. Сейчас молодежь поступает другая. Уже прошедшая отбраковку. Бескорыстная и безрассудная, готовая проиграть жизнь — а это так и есть, потому что в лучшем случае один из потока станет настоящим писателем. Так что в этом смысле ничего не изменилось — держим уровень.

— Раньше, например, Киреев писал "Победителя", Есин писал "Имитатора" — и все газеты откликались, в библиотеке на книгу была очередь. А теперь любая книга проходит незамеченно. Какая угодно и чья угодно.

— Это нам невыгодно — людям, которые пробились, — но в принципе я это приветствую. Мы должны просеиваться каким-то другим способом. Как раньше становились классиками — без телевидения, без радио, с журналами, которые распространялись только в двух-трех столицах? Пусть будут общие правила игры.

— По-моему, классиками становились далеко после смерти. А прижизненным классиком был, например, Боборыкин, автор стотомника. Только кто его сейчас читает?

— Ну и секретарю Союза писателей издавали собрание сочинений, и он мог спокойно уходить в могилу — вроде бы дело сделано. Но сейчас-то мы понимаем, что дело в другом: "Привлечь к себе любовь пространства"...

— Сейчас вроде бы улегаются споры союзов писателей, которые образовались после раскола СП СССР. Но разделение осталось, и по этому разделению Есин, по-старому говоря, — "бондаревец".

— Есин — сам свой.

— Ну а сколько в Литинституте профессоров демократической ориентации?

— Не подсчитывал. Навскидку приходят имена Сергея Чуприна, Анатолия Приставкина, Мариэтты Чудаковой, Александра Павловича Чудакова — ее мужа... По поводу политических разногласий Александр Павлович очень хорошо сказал. Ему говорят: "Как же вы идете на кафедру, с которой по политическим соображениям выжили... допустим, имярек?" А он отвечает: "Я не на кафедру иду. Я к студентам иду." Вот эту позицию я очень высоко ценю и разделяю.

— Тем не менее вы вошли в жюри премии "Антибукер", заранее настроенной на "Анти-"

— Вот уж чего не скажу! В жюри вошли критики, которые не копошились по обслуживанию писательских кланов... Мне обидно, что очень часто приходится доказывать свою неангажированность. Хотя неангажированности в чистом виде не существует. Ангажированы все. Но я хоть стараюсь...

Встречался Евгений НЕКРАСОВ.
Фото Игоря ИВАНДИКОВА.